

УДК 378.4
ББК 74.484.4

Р. Н. Ибрагимов

ДРИФТ ОТ УНИВЕРСИТЕТА К ПТУ: ФАКТОРЫ ДЕГРАДАЦИИ

Статья посвящена анализу системного, многофакторного кризиса региональных университетов. В качестве рискогенных факторов рассматриваются реформа высшего образования, реформа среднего образования, активизировавшая утечку юных мозгов из регионов в мегаполисы, позиционирование государства, пандемия. Делается вывод о том, что происходит постепенное замещение миссии регионального университета как драйвера «окультуривания» территории функцией «выколачивания практических компетенций» и, как следствие, трансформации университета в профессионально-техническое училище.

Ключевые слова: фактор социальной эволюции, вуз, пассионарная эрозия.

R. N. Ibragimov

DRIFT FROM UNIVERSITY TO VOCATIONAL SCHOOL: DEGRADATION FACTORS

The article is devoted to the analysis of the systemic, multifactorial crisis of regional universities. Reform of higher education, the reform of secondary education, which has activated the drain of young brains from regions to megacities, the positioning of the state, and a pandemic are considered as risk factors. It is concluded that there is a gradual replacement of the mission of the regional university as a driver of “cultivating” the territory with the function of “knocking out practical competencies”, and, as a result, the transformation of the university into a vocational school.

Key words: factor of social evolution, university, passionate erosion.

DOI: 10.46724/NOOS.2020.3.76-81

Ссылка для цитирования: Ибрагимов Р. Н. Дрифт от университета к ПТУ: факторы деградации // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 3. С. 76—81.

Citation Link: Ibragimov, R. N. (2020) Drift of universiteta k PTU: faktory degradatsii [Drift from university to vocational school: degradation factors], *Noosfernyye issledovaniya* [Noospheric Studies], vol. 3, pp. 76—81.

Введение. Дрифт — автоспортивный термин, означающий манеру вождения в управляемом заносе, сопровождающемся визгом тормозов, дымом плавящихся от трения покрышек и повышенным риском аварии. Здесь этот термин употреблен как метафора социокультурных процессов, происходящих в отечественном высшем образовании и особенно заметных в условиях провинции.

© Ибрагимов Р. Н., 2020

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00365.

Качество высшего образования в Российской Федерации имеет весьма неравномерный характер и в парадигме администрирования, и в парадигме содержательного наполнения учебного процесса, и в парадигме востребованности его результатов.

Административный угол зрения наиболее нагляден: вузы здесь — это места в официальном рейтинге «любимых — нелюбимых». В топ-10 находится только один нестоличный университет. И это как раз те вузы, которые могут посылать министерство с его административными «хотелками» очень далеко. Топ-100 — это «условно любимые», которым приходится прилагать сверхусилия для сохранения своего положения. Остальные вузы находятся в реальной опасности административной элиминации.

Вторая, «содержательная», парадигма ставит акцент на процессуальном характере и внутренней «кухне» жизни провинциального вуза. Здесь слово участникам процесса — студентам, преподавателям, руководству вузов. Удовлетворением их отношение к происходящему точно не называется. У каждой когорты свои претензии и соображения, заслуживающие отдельного рассмотрения, но общий знаменатель всё равно показывает эрозию качества [3, с. 128].

Третья, «результативная», парадигма — это взгляд на качество высшего образования глазами работодателя. Последние 25 лет именно эта парадигма является критериальной, ибо именно эта социальная инстанция весьма неясной морфологии является потребителем пресловутых компетенций. Огибая подробности, для описания институционального дрефта высшего образования достаточно простой констатации: реформа за эти 20 лет так и не создала столько компетенций и носителей, чтобы совокупный работодатель, формулировавший (якобы) эти компетенции, обеспечил стране хоть сколько-нибудь заметный экономический или культурный прорыв.

Таким образом, кризис региональных университетов носит системный, многофакторный характер. Какие именно факторы влияют на институциональную эрозию отечественного «заМКАДного» вуза? Предлагаю рассмотреть некоторые.

Фактор 1. Реформа высшего образования. Итак, первый фактор — реформа высшего образования, которая «кошмарит» высшее образование уже более 25 лет. Довод со стороны руководства страны и отрасли, который звучит все это время: низкая практическая эффективность системы высшего образования (ВО). Довод для государства, заявляющего, что оно социальное, довольно странный. Как это у нас часто бывает, читать надо не строки, а между. Между строк ст. 7 Конституции «РФ — социальное государство» ясно читается «...тяготится тем, что оно...». По крайней мере все конкретные шаги в рамках реформы ведут в сторону снижения издержек по содержанию системы ВО и повышения ее самоокупаемости, как это принято в государстве либеральном.

Отсюда и крайне противоречивые результаты этого судорожного реформирования. С одной стороны, либерализация нормативной конструкции, лавинообразное нарастание числа вузов, особенно частных и «липовых», и, как следствие — катастрофическое падение качества образования. С другой стороны, неуклонные попытки обуздать и ограничить, «держать и не пущать», выражающиеся в неуклонном росте бюрократической отчетности, которую вузы во многом ввалили на плечи преподавательскому корпусу. Естественно, ведение отчетов о НИР и УМР занимает в рабочем времени преподавателя ровно то место,

которое могли бы занять научно-исследовательская и учебно-методическая работы. Качество работы вытесняется качеством отчета о работе.

Даже если допустить, что ФГОСы с многочисленными плюсами или перевод со специалитета на бакалавриат вводятся не с целью прессинга и шантажа, а с искренним желанием улучшить качество, процесс и результаты работы регионального высшего образования, мы все равно видим в конце тоннеля цель — извлечение утилитарной пользы, т. е. минимизация затрат времени, сил и финансирования. Естественно, что такие субстанции, как креативность, мировоззренческая глубина, интеллектуальная честность или высокая нравственность — это первое, на чем попытается сэкономить инстанция ФФЛ («Филиппов — Фурсенко — Ливанов»).

Думается, была и остается ошибочной даже не тактика реализации реформы, перенастройки системы высшего образования, а именно ее стратегия. Замысел и смысл реформы ФФЛ строились на убеждении, что главной функцией высшего образования является формирование «специалистов высшей квалификации» для народного хозяйства. Вообще-то хотя бы для профформы инстанция ФФЛ могла бы поинтересоваться другими функциями. А их, как известно, много, в том числе латентных.

Университеты никогда не были «заточены» на решение утилитарных и сиюминутных социальных задач, хотя, конечно, и в средневековой Европе, и в царской России, и в СССР люди с университетским дипломом приносили и вполне практическую пользу. Но все-таки главным предназначением вуза всегда было не формирование полезных компетенций, а *генерация интеллигенции*. Причем «интеллигенции» не в советско-социологическом смысле, как отряд, который идет в одном строю с рабочим и колхозницей, в самом что ни на есть чеховском, шеллингианском.

Исторически университет — это социальная ниша для утилизации чудачков. Туда, правда, еще и бастардов следует приплюсовать. Именно смесь бастардов и чудачков объясняет извечное интеллектуальное и поведенческое свободолюбие и буйство университетской братии, которое всегда вызывало опасения властей. Поэтому и породистая русская, российская интеллигенция, в адрес которой сейчас сыплются официальные комплименты и реверансы, на самом деле — очень неудобный для диалога и, тем более, управления контрагент. Поэтому не исключаю, что реформа — это не ошибка, а вполне осознанная стратегия, суть которой — профилактика «инакомыслия».

Так есть ли польза государева от функции воспроизводства интеллигенции? Объективно — да. Как пчела опыляет цветочное поле, интеллигенция должна одухотворять территорию. Смотрим на карту Российской Федерации. Территория, мягко выражаясь, большая. И если жизнь на ней останется только в физиологической ипостаси, территория так и останется просто территорией, потеряв предикат «быть страной».

И здесь первая скрипка должна быть не у столичных, а именно региональных университетов. Звучит ли эта скрипка сейчас? Судя по тому, как живет местным чудачкам под реформаторским прессом, не сильно.

Фактор 2. Реформа среднего образования. Я намеренно не говорил прежде о плюсах реформы ВО, которые, конечно, имеют место. Главный плюс — демократизация образовательного процесса, предоставление большей свободы выбора образовательной траектории — следует рассматривать вкупе с тектони-

ческими сдвигами в образовании среднем. А без этого рассматривать морфологические институциональные изменения нашего предмета невозможно.

В господствующей ныне парадигме «цеха», где вуз — это мастерская по переработке исходного сырья (абитуриента) в конечный продукт (специалиста), главным руководящим документом является «Стандарт предприятия». Соблюдайте технологию — и все у вас получится. Предполагается, однако, что некачественное сырье будет выбраковываться в ходе технологического процесса.

А поставщиком сырья как раз выступает средняя школа, которую ФФЛ-реформаторы также подстроили под этот производственный процесс — унификация, стандартизация, компетентизация. Венец либерально-демократического апломба реформы среднего образования — ЕГЭ. Теперь юный гений из самого захолустья сможет поступить в самый престижный столичный вуз. Да здравствует свобода! Да здравствует равенство возможностей!

Побаловались лозунгами — и будет. Если образование — это цех, как быть с выбраковкой? В любом производстве заготовка на каждом этапе обработки подвергается контролю качества. Что справедливо для штамповки, тем паче справедливо для стандарта образовательного предприятия, будь то школа, будь то вуз. В отличие от штампованных заготовок дети и молодые люди — объективно разные. Есть те, кому учение в радость, а есть те, кому в тягость.

Однако и в школе, и в вузе действуют правила, прямо или косвенно запрещающие выбраковку. Функция социального фильтра, которая всегда была свойственна образованию, официально запрещена в средней школе и косвенно, через аккредитационный показатель «сохранность контингента» — в вузе.

Для вузов топ-10 эта проблема не столь актуальна, поскольку благодаря ЕГЭ они могут высасывать интеллектуальные и пассионарные «сливки» из всей России. И выбраковывать столько, сколько захотят. Эта проблема актуальна для региональных вузов. Могу сослаться на собственное исследование, посвященное человеческому капиталу в регионе: из выпускников трех «элитарных» школ г. Абакана (122 человека) в 2020 году в местный университет пошли учиться лишь 17 человек [4]. Остальные, как нам *с гордостью* (!) сообщили в интервью директора и завучи, поступили в университеты Красноярска, Новосибирска, Томска, Санкт-Петербурга и Москвы.

Поэтому в довесок к официально формируемым компетенциям молодой выпускник провинциального вуза вырабатывает особую *скрытую компетенцию* — *уверенность в своей безнаказанности за сколь угодно злостное пренебрежение своими обязанностями и успеваемостью*. Ее наличие легко аргументируется данными анкетного опроса на предмет фальсеокоммуникации «преподаватель-студент». Так, 92,6 % преподавателей признались, что смотрят сквозь пальцы на списывание студентов на экзаменах, 96,7 % студентов уверены, что преподаватели им подыгрывают. Такой пессимизм звучит и в других исследованиях (см., напр.: [2]).

Если вспомнить о парадигме «ниши для чудаков», она работает и на этом материале. Они, пассионарные чудаки, никуда не делись, только их пропорция в результате процесса социально-энергетической эрозии последних 30 лет сильно сократилась. Мозги утекают из провинции в метрополию. Подозреваю, что организовано это было для того, чтобы компенсировать утечку из метрополии за рубеж.

Итак, ПТУ — это место, где учатся ПТУ-шники. И для вузов день превращения в ПТУ по этому показателю уже настал.

Фактор 3. Амбиваленция цели. В СССР работодатель тоже был инстанцией, принимавшей участие в содержательном наполнении учебного процесса. Разница с современностью в том, что это была его обязанность, а не право, которое он сейчас реализует согласно своему капризу. В результате вместо солидарной и институционализированной позиции работодатель все чаще предстает в качестве некой дисперсной инстанции с невнятной и противоречивой позицией по вопросу. Конечно, крупные, технологически и финансово развитые работодатели принимают активное участие во всех стадиях реализации образовательных программ. Но это опять история про столичные университеты и в гораздо меньшей — про региональные. По крайней мере формулировки компетенций — это не прямая речь работодателя, а ее «озвучка», частью — со стороны министерства, частью — самих вузов.

Поэтому работодатель — это не реально действующий социальный институт, а социоментальная конструкция в коллективном разуме государства, который актуализируется в лице ФФЛ-реформатора. Таким образом, мы опять возвращаемся к фундаментальным противоречиям в его позиции.

С одной стороны, вузам предоставлена относительная свобода в реализации функции социального фильтра, с другой — именно за это им и грозит наказание. С одной стороны, государство финансирует лишь часть студенческих вакансий (так называемые бюджетные места), однако простирает контролируемую длань и на функционирование, в том числе сохранность контингента внебюджета. Здесь, правда, и руководство вузов является заинтересованной стороной, поскольку само находится в противоречии между качеством (уровнем и репутацией), с одной стороны, и количеством платежеспособных студентов — с другой. Последние могикане, кто еще борется за высокое качество высшего образования — преподаватели, но здесь тоже действует мучительный выбор: либо годичный контракт, либо придушенная принципиальность. В результате дрейф в сторону ПТУ происходит по позиции «социальный портрет преподавателя вуза», потому что ПТУ — это место, где преподают ПТУ-шные учителя.

Отвечая на вопрос «Что делать?» выскажу мнение: за показатель «сохранность контингента» надо не поощрять, а штрафовать. А на вопрос «Кто виноват?» не скажу, что надо сделать с теми, кто этот показатель ввел.

Вместо заключения. Фактор 4. Пандемия. Это испытание. Возможно, Божье. Своим студентам я в шутку говорю, что Бог есть, потому что у столь масштабного социального эксперимента должен быть научный руководитель. Очень многое из наших прежних представлений приходится пересматривать. Для вузов главным из таких испытаний стала необходимость перехода на обучение в удаленном доступе.

Промежуточные (пока) выводы уже можно сделать. «Удаленка» не создала новые, а лишь усугубила старые проблемы. Для инстанции ФФЛ усилилось искушение сэкономить еще и на переводе обучения в online, для преподавателей к заморочкам ведения документации добавились заморочки в освоении информационных ресурсов. Призрак работодателя стал еще более эфемерным.

Неизменным и экспериментально подтвержденным осталось только следующее: пропорция пассионариев в студенческой среде — величина неизменная [1, с. 246]. Тех, кто халявил и списывал до пандемии, «удаленка» не улучшила и

не ухудшила, они лишь продолжили «зависать» в сети. Пытливые и деятельные умницы тоже остались самими собой; выяснилось лишь, что при наличии должного доступа к научной информации они могут развивать свою интеллектуальную культуру (слово «компетенции» здесь даже не хочется произносить) даже в суровой тувинской степи.

Поскольку эксперимент еще продолжается, выскажу слабую надежду на будущее: возможно, пандемия станет тем фактором, который затормозит отток носителей «гена Ломоносова» из регионов, и местные университеты получат усиленную прививку пассионарности.

Библиографический список

1. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2013. 560 с.
2. Ивонин Ю. П. Трактат о шпаргалке // Идеи и идеалы: научный журнал. 2010. № 1 (3), т. 1. С. 132—143.
3. Леонтьева Э. О. Образование с изнанки: опыт пилотажного исследования «теневых» отношений в вузе // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 121—129.
4. Республика Хакасия: официальный сайт. URL: <https://r-19.ru/authorities/ministry-of-education-and-science-of-the-republic-of-khakassia/common/2356/106036.html> (дата обращения: 01.12.2020).

References

- Gumilev, L. N. (2013) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth], Moscow, Iris-press.
- Ivonin, Y. P. (2010) *Traktat o shpargalke* [Treatise on crib], *Idei i idealy* [The ideas and ideals], vol. 1, no. 1 (3), pp. 132—143.
- Leontieva, E. O. (2004) *Obrazovaniye s iznanki: opyt pilotazhnogo issledovaniya «tenevykh» otnosheniy v vuze* [Education from the inside: the experience of the pilot study «shadow» relationships in high school], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological researches], no. 12, pp. 121—129.

Статья поступила в редакцию 1.10.2020 г.

Сведения об авторе

Ибрагимов Радий Назибович — доктор философских наук, доцент, Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия, dison1@mail.ru

Information about the author

Ibragimov Rادیy Nazibovich — Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan, Russian Federation, dison1@mail.ru